

Бумажные крылья

Автор:

Ульяна Соболева

Бумажные крылья

Ульяна Соболева

На Олю в подъезде нападает компания молодых "отморозков", они пытаются ее изнасиловать и отобрать сумочку. В последний момент ей удается избежать ужасной участи, а через время семнадцатилетняя дочь Оли знакомит мать со своим парнем, и та узнает в нем одного из тех самых несостоявшихся насильников. С этого момента вся жизнь Ольги и ее семьи вывернется наизнанку. В оформлении обложки использована фотография автора AllaSerebrina (Alla Serebrina), ресурс depositphotos. Лицензия # 108995106 и Wavebreakmedia (Sean Prior)Лицензия # 108997956 Содержит нецензурную брань.

Глава 1

«Ты никогда меня не любила! Ты бесчувственная стерва, Оля!»

Да, наверное, он был прав – я никогда его не любила или любила так долго, как могла. Бывают люди, которые любить не умеют. Точнее, умеют, но эта любовь распространяется лишь на кого-то единственного. Я любила свою дочь и свою работу. Какое-то время я любила и Лешу... пока вдруг не поняла, что рядом с ним я никогда не стану тем, кем хотела стать, что у нас совершенно разные цели в жизни, и мы по-разному видим наше будущее. Он строил свой бизнес и хотел, чтоб я сидела дома и нянчила ему ораву детей, а я хотела учить языки и путешествовать. Я желала свободы. А он хотел посадить меня в клетку. Он любил меня, а я все же не была в этом виновата. Так получилось, что я его долго

любить не смогла, а может, и вовсе не любила. Мы разошлись очень спокойно. Точнее, это я ушла от него очень спокойно. Забрала Тасю, села на поезд и уехала из столицы из двухэтажного шикарного дома домой в мамину двухкомнатную квартиру. Он долго не мог понять почему, а я долго не могла объяснить, что просто потому что не люблю его и больше не могу под него подстраиваться. Наверное, я сволочь и тварь. По крайней мере так считали его друзья и его мама с сестрой. Они даже наняли частного детектива, чтоб выследить моего любовника, которого и в помине не было.

Я вырулила с главной дороги на нашу улочку, где еще ничего не успели выстроить кроме единственного супермаркета и сплошного недостроя, а посередине красовался наш десятиэтажный дом. На квартиру в новом районе я копила десять лет и купила ее сама без помощи бывшего мужа и на зависть его многочисленному семейству, которое с первого дня нашего знакомства считало, что я только и мечтаю получить столичную прописку и сына академика в мужья. На самом деле я вообще не знаю, зачем вышла за него. Наверное, я должна была родить на этот свет Таську и понять, что мужчин я любить не умею, и лучше не портить ни им, ни себе жизнь.

Начал накрапывать дождь, и я включила «дворники», выруливая к своей улице через перекресток. Кажется, людям домой не хотелось даже в понедельник в дождь. Такое наблюдаешь весной, когда город ожил после зимнего холода, и на улице пахнет цветущими деревьями, насыщенным озоном. Еще не лето. Но им пропиталась каждая молекула в воздухе. Молодежь веселыми стайками рассыпалась по улицам, заражая все вокруг безбашенностью с чистой наивной верой в чудо.

Когда-то давно меня все это радовало, как и мою дочь-подростка сейчас. Предвкушение дикого праздника, горячего песка и чего-то незабываемо волшебного. Нет, я не скучала по этим годам, я даже не вспоминала себя в юности, потому что меня всецело устраивало то, что есть сейчас. Никакой ностальгии, сожалений и горьких слез по уходящему собственному лету. Да, я ступила в осень и не испытывала по этому поводу ни малейшего беспокойства. Там, в прошлом, не было ничего такого, что могло бы вызвать хотя бы одну дикую эмоцию. Ничего, кроме рождения Таськи. Моего счастья, смысла моей жизни, всего, что только у меня было в ней ценного. Ее первые шаги, ее смех, ее сморщенный носик с веснушками посередине. Нет, я не была чокнутой мамочкой, повернутой на своем чаде, но все, к чему я стремилась в этой жизни, делалось ради нее. Её отец предлагал помочь, но я знала во что выльется его

помощь – в нитье о возвращении в семью и о том, что девочке нужен отец. Я не считала, что у нее его нет. Она в любое время могла поехать к нему в столицу на выходные, и я никогда не была против. Да и к Леше я относилась очень хорошо, особенно когда он не предпринимал очередных попыток наладить между нами отношения.

Зазвонил мой сотовый, и я включила громкую связь.

– Ма, я приехала.

– Умница.

– А ты уже дома?

– Вот только подъехала.

– Там света с утра не было, и лифт не работает.

Обрадовала. На седьмой в темноте пешком. На каблуках.

– Папа передает привет.

– И ему тоже пламенный. Пусть не кормит тебя фасфудом.

– Мааа, мне не десять, а семнадцать.

– И чем это отменяет вред фастфуда? Скажи отцу, пусть подлизывается к тебе другим образом.

Она показала мне язык – я услышала по характерному звуку и смеху бывшего мужа.

– Ма, – уже шёпотом, – когда вернусь, я тебе что-то расскажу.

– Хорошо, милая.

Света, и правда, не было. Не в первый раз, конечно, но всегда поражает и всегда не в тему, особенно если живешь на седьмом этаже. Я въехала на парковку, поставила машину на привычное место и, взяв сумочку, направилась к лестничной площадке. Включила фонарик в смартфоне, ступив на первую ступеньку. Где-то вверху послышались мужские голоса, чирканье спичек, звон бутылок и громкий смех. Черт! Кажется, у меня появится возможность лично познакомиться с бандой малолеток, о которой говорит соседка с пятого этажа и грозит вызвать полицию. Дошла до третьего и услышала:

– О, к нам кто-то поднимается.

– Баба. Слышите? Каблучки цок-цок. Мажористая сучка-а-а, пацаны.

– Ну круто, че. У нас здесь типа КПП. Через нас просто так не пройдет. Обыск, штраф, все дела.

Они заржали, а я медленно выдохнула и бросила взгляд на свой смартфон, в котором садилась зарядка. Нет, я никогда не боялась подростков и общалась с друзьями дочери, но как-то в темном подъезде на узкой лестничной клетке встретиться с подпившими парнями не особо хотелось. И, наверное, какое-то предчувствие. Оно неприятно поскребло позвоночник и мурашками рассыпалось по телу. Захотелось трусливо вернуться в машину и переждать. Да что со мной такое. Это просто молодые парни, сидящие в подъезде, в мое время все было точно так же. Я дошла до пятого этажа и остановилась, глядя вверх на троих подростков с бутылками пива в руках и фонариком. Один из них, в серой куртке с закатанными рукавами и длинной челкой, громко присвистнул, а второй, в черном жилете, сделал несколько глотков из бутылки пива и сплюнул на пол. Я решила, что лучше всего просто пройти мимо. Как мимо диких собак на улице. Не смотреть, не говорить и главное – не показывать, что я боюсь.

Они молча и нагло смотрели на меня, гадко ухмыляясь. Еще никогда в своей жизни я не сталкивалась с такими откровенно оскорбительными взглядами. От них становилось мерзко, и липкие щупальца паники стягивали затылок. Я хотела пройти вперед, но один из них преградил мне дорогу. Тот самый – в куртке. Я старалась на него не смотреть, чувствуя, как пульс участился. Сделала шаг в сторону, и он тоже. Играя «в петуха».

– Ребят, дайте пройти. Вы чего? – стараюсь, чтоб голос звучал спокойно. Они просто шутят. Все хорошо. Сейчас мне дадут пройти.

– А у нас тут КПП. Без обыска не пустим. Откройте сумочку. Вывернете карманы.

Кто-то из них стал позади от меня и тронул за плечо, я повела им, сбрасывая руку.

– Пустите, мальчики. Пошутили – и хватит.

– Мальчики! Аха-ха-ха! Где ты тут мальчиков увидела?

Судорожно глотнула, когда поняла, что они трогают мои волосы.

– Вадим, а ты когда-нибудь лапал динозавров? Вид сзади очень даже. Муа, красотка. А у тебя спереди как?

Они заржали, а у меня вся кровь прилила к щекам. Я толкнула того, что в серой куртке, в грудь.

– Немедленно дайте мне пройти!

– Не то что?

Он выдернул из моих рук сумочку.

– Что ты сделаешь, а? Мужика своего позовешь? Охрану? Так же они тебя одну отпускают?

Склонился ко мне слишком близко, жует жвачку, и глаза поблескивают в полумраке. Взгляд страшный, дикий и откровенно злой. Молодой, жестокий зверь.

– Опопа-попа-попа... я бы вдууул. – хлопнули по ягодицам, и я силой толкнула заднего локтем.

- Да вы совсем охренели? Отпустите меня немедленно!

- Ого! А че так не вежливо, тетя?

Я пнула того, что был в серой куртке, и хотела схватить свою сумочку, но он увернулся, а те, что сзади, схватили за талию, приподнимая. И меня накрыло адской паникой, я начала брыкаться, толкаясь локтями.

- Тише, тише, тетя, мы только потрогаем, да, Никош? Мы нежненько.

- Помогите! - закричала громко, так что стекла зазвенели, и мне тут же закрыли рот, я укусила руку с тошнотворным запахом сигарет.

- Не ори, сучка! Не убудет с тебя! Не целка ведь! Ставь ее раком! Я первый! Кофту на голову натяни!

Они задрали мой свитер и натянули мне на лицо, опрокидывая на ступени. Я попыталась поползти вперед, но меня потянули за волосы вниз. Счесывая колени и ломая ногти, я пыталась вырваться, захлебываясь слезами и зовя на помощь, мыча и брыкаясь. В этот момент зазвонил мой сотовый.

- Бл*дь! Стоп! Остановитесь, мать вашу! Стоп, я сказал!

Послышался звук удара и скулеж.

- Ты охерел! Что такое?! Мать твою! Ты мне губу разбил!

- Успокоился? Всё, отпустили! Уходим!

- Какого хрена, Вадим?!

- Уходим, я сказал! Все, Гуня. Поигрались - и хватит!

Задыхаясь и всхлипывая, я пыталась одернуть юбку и свитер. Тот, что в серой куртке, наклонился ко мне и протянул сумочку.

– Домой идите. Пошутили мы.

– Уб-лю-док! Тварь! – захлёбываясь и пытаюсь отдышаться, а еще рассмотреть лицо его.

– В темноте сами не ходите больше. Телефон в сумку положил. Простите их. Не хотели они. Всё, пацаны! Валим отсюда!

Топот ног доносился все ниже и дальше.

– Ты че? Трахнули б, не узнал бы никто! И айфон у нее взять могли, и золото на ней!

– Ниче! Ты что – насильник, Игорь? Тебе телки не дают? Не думал, что ты мразь!

– Та ладно тебе, ты че? Че сразу мразь?

– Одно дело айфоны тырить, а другое – насильно бабу втроем трахать. Все, забыли.

Дверь подъезда громко хлопнула, и в этот момент я разрыдалась, чувствуя, как по телу стекают капли ледяного пота градом. Снова зазвонил сотовый. Достала дрожащими руками, несколько раз уронила. Встала с пола на подгибающихся ногах, прижалась к стене. Выдохнула и ответила дочери снова.

– Мам! Ты чего трубку не берешь? Мам!

– Не могла в темноте телефон найти. Я уже дома.

– Мам, точно все хорошо?

– Да. Все хорошо.

– Ладно. Я спросить хотела... можно я, когда вернусь, в клуб поеду?

– В клуб?

Включился свет в подъезде, и я опустила взгляд на свои счесанные колени с порванными колготками, на заколку, валяющуюся на лестнице.

- Ну можно или нет?

- Когда?

- В среду. Я не одна... я с парнем.

- Хорошо.

- Да?

- Да.

Я подошла к лифту и нажала кнопку вызова. Колени все еще предательски подгибались.

- Ма, пока папа не слышит. Я с мальчиком познакомилась. Его Вадимом зовут. Он такой красивый, мама!

«- Какого хрена, Вадим?!»

- Уходим, я сказал! Все. Поигрались - и хватит!»

Мерзкое имя. Почему именно оно?

- Я приеду и все расскажу.

- Где познакомилась?

Зашла в лифт, нажала на семерку. Ноготь сломан до мяса.

- Ну какая разница - где... я влюбилась, мам. Он такоооой. Ой. Все, папа идет. Чмок.

Глава 2

Все плохое забывается. Так устроены люди – у плохого нет свойства задерживаться внутри нас, потому что мы не любим помнить то, что нарушило наше душевное равновесие. Никто не любит пребывать в когнитивном диссонансе и возвращаться снова и снова в свои кошмары. Если, конечно, они не становятся навязчивыми. Я тоже забыла. Ровно до очередного перебоя электричества и необходимости подниматься домой без лифта. В этот раз я пережидала в машине и вверх на седьмой этаж карабкалась с двумя соседками и сумками с продуктами даже днем. Но плохое, конечно же, забывается. Это, наверное, осторожность – больше не ходить одной по темному подъезду.

Особенно в день рождения любимой и единственной дочери думать о плохом не хотелось совершенно. В воздухе уже не просто пахло весной, а она всюду бушевала цветущими садами и пением птиц, гремела грозами и даже отдавала вкусом моря на губах. Хотя я его не люблю. Да-да, есть люди, которые не любят море. Они существуют. Я предпочитала зимние горнолыжные курорты, горные озера, тайгу. Мой бывший муж тащил меня в Дубай, где я весь день проводила в отеле и не высывала нос из-под кондиционеров. На море мне нравилось смотреть только из окна, как и на песок с пальмами. Таська говорила, что в прошлой жизни я просто была Робинзоншей Крузо, застряла на острове, и моя нелюбовь несет генетические корни. При мысли о дочери улыбнулась и облизнула палец, испачканный в сметанном соусе, и посмотрела, как пропитался торт в холодильнике.

Последние приготовления на кухне, уже подтянулись первые гости – одноклассницы Таськи, с которыми она расстанется в этом году. Черт, как моей дочери может быть семнадцать, если мне самой недавно было столько же, и чувствую я себя примерно точно так же, как и тогда, с одним исключением, что в зеркале мне уже этот возраст не показывают. В голове не укладывается. Моя подруга Ленка недавно выдала, что в следующем году моя дочь будет уже на год старше меня.

Девчонки едва пришли – засунули любопытные физиономии на кухню, спросили, чем помочь, и получив по сырному шарик, ушли в комнату дочери. Помогать уже особо было не чем, мы с Тасей всю ночь салаты резали и торт пекли до

самого утра. Мать Леши по скайпу звонила, предлагала не возиться, а отметить в кафе, но я люблю дома. Люблю сесть за стол, видеть, как едят то, что сама готовила, как дочку нахваляют за вкусную выпечку. Она у меня умница, всегда помогает. И тоска какая-то задушила, взрослеет так быстро, и скоро, может быть, не будет у меня этих столов с посиделками. Отец Таську звал в столицу учиться, и я умом понимала, что это прекрасное предложение и огромные перспективы, а сердцем... сердце больно стягивало железным обручем от мысли, что надо дочку от себя отпустить. Уедет к отцу, и останусь я и моих три кота. Точнее, моих два. Один Настасья – она его с какой-то подворотни прошлой весной притащила. Мы его с пипетки неделю откармливали. Вопреки прогнозам ветеринара, что он точно сдохнет, наш Венька выжил на радость нам и на горе двум «старикам», которые до сих пор считали его вражеским десантом и охраняли от него стратегически важные точки в нашем доме, то есть собственные миски и горшок. Пришлось для Веньки делать его личный угол с едой и домиком. Кто-то из котов потерся о ноги, пока я красиво раскладывала запеченный картофель на блюдо и украшала укропом, приоткрыла окно и голос дочери услышала – та вышла на балкон, с кем-то говорила по телефону. Невольно прислушалась. Нет, я не сую нос в ее дела. Но это непреодолимое любопытство, с ним ничего не поделаешь. Хочется знать – и с кем говорит, с кем дружит, куда ходит. Мы с ней, конечно, близки, но всегда есть сомнения, что тебе далеко не все рассказывают.

– Конечно, жду. Очень.

Улыбается. Я не вижу. Я слышу, как она улыбается. Такая уже взрослая моя Настасья, такая... как же время быстро летит. Пару месяцев назад платье на выпускной выбирали, а, кажется, только вот в первый класс пошла, и я ей банты белые завязывала.

– Как не приедешь? Вадиик, ну ты же обещал! – улыбка явно пропала, в голосе звенела обида. – Ясно. Мог бы и предупредить, что уезжаешь. Нет, я не расстроилась. Спасибо. Все. Пока. Мне маме помогать надо.

Я отпрянула от окна, а она на кухню вошла, тарелками гремит, напряженная до предела, сжатая в комок нервов.

– Тась, ты чего?

– Ничего, мам. Все хорошо.

А я вижу, что вот-вот расплечется. Резко ее к себе повернула за плечи.

– Послушай меня внимательно. Я не лезу в твои дела и редко тебе что-то советую. Потому что собственные ошибки самые вкусные, а чужие совершенно не интересны. Но я так тебе скажу – если человек изначально так себя ведет и пренебрегает тобой, если в его приоритетах не ты, то он никогда не изменится. Понимаешь? Никогда! Люди не меняются. Они просто взрослеют и умеют прятать свои недостатки.

– Ты по себе судишь? – повела плечами, и я разжала руки. Не так давно от отца приехала. Взбодренная, накрученная, обработанная свекровью и Лешей, который не оставляет надежды вернуться ко мне. Как и я не оставляю надежды, что он прекратит делать эти бесполезные и ужасно бесящие попытки все еще контролировать мою жизнь из другого города.

– Лучше всего судить из личного опыта, а точнее, делать выводы. Судить вообще никого по жизни не надо. Даже себя. Посмотри на меня... это тот мальчик, с которым ты в клуб ходила?

Она кивнула и вдруг действительно расплакалась.

– Я не знаю, чего он хочет, мам. Он то звонит и пишет каждый день, то его нет по несколько суток. Не говорит никому, что я его девушка, фотки в инсте не выкладывает наши, – на этом моменте мне хотелось закатить глаза, но я сдержалась, авторитет у подростка – это дело такое: потеряешь, и все, назад не вернуть. – Он, типа, не готов к серьезным отношениям. Можно подумать, я его жениться на себе прошу. Тусит, где хочет, потом мне пишет.

Я сняла фартук и повесила на крючок. Повернулась к дочери и вытерла слезы с ее щек большими пальцами.

– А чего хочешь ты?

– Хочу с парнем встречаться. Как все. У меня вечно все не так. Вечно ничего не выходит.

- Просто с парнем, потому что как все, или с этим парнем?

- С этим, мама. С этим. Он мне давно нравится. Ужасно нравится. Он всем нравится. На него вечно вешаются всякие. Он обещал, что на мой день рождения приедет, а сейчас вот позвонил, что не получается, они с ребятами в другой город собрались на соревнования по паркуру.

- По чему? - название похоже на курение, я, конечно, не «динозавр», но не в курсе всех новомодных увлечений подростков.

- Прыжки через препятствия в городе. Загугли, мам.

Я пожала плечами.

- Я-то загуглю, если мне станет интересно, а вот ему его паркур дороже, чем твой день рождения. Ну и пошли его сама знаешь куда, и садимся за стол.

- Мы друзья, понимаешь? Я не могу его послать, так как я не его девушка. Он мне ничего не обещал. Получается, я даже злиться не могу, предъявить не могу.

- Вы целовались, зажимались в этом клубе, ты мне сама рассказывала, но ты не его девушка. Очень хитро и удобно, я б сказала, прям гуру пикапа без обязательств. Тебе оно точно надо?

- Мама!

- Что? Ну если тебе не нравится то, что я говорю, не рассказывай мне ничего. Я не твои подружки - говорить только хорошее.

И тут ее сотовый опять затрещал каким-то до ужаса раздражающим рэпом, она схватила его и, выпучив глаза, бросилась к окну, где сигналила какая-то машина. Взвизгнула и ко мне обратно, пищит тонко, как мышь. Явно в невероятно бешеном восторге.

- Маааааа, он приехал. Вот дурак. Оооох... ты это... Ты иди переоденься. А я к столу всех проведу. Мамааааааа, он приехал, представляешь? Приехааааал!

Закружила меня и чмокнула в щеку. А я невольно улыбнулась. Влюбилась. Моя малышка явно влюбилась. Глаза сверкают, горят, щеки покраснелись. А со мной такого не было никогда. Так странно. Нет, я знаю, что бывает, видела у других, читала, смотрела. Но выражение «бабочки внизу живота» ни разу не поняла. Не трепыхались у меня в животе никакие бабочки. Тяжесть была от возбуждения, или сворачивало кишки от страха, а чтоб там порхало что-то и вот так глаза сверкали – не было. Я ждала, что с годами придет – и не пришло. Одно пугало, чтоб она так же сильно не разочаровалась.

Я зашла в комнату, поправила вьющиеся темные волосы за уши – дочка любит, когда они распущенные. Разгладила вырез платья на груди, одернула подол пониже и повела по губам светлой помадой. Особо наводить марафет не хотелось. Да и зачем? Я с ними немного посижу и пойду к себе переводы доделывать, а они пусть сами. Я им там не нужна. На лестнице раздались голоса, что-то шелестело, явно цветы в руках Таськи. Ее голос звенел громче всех.

– Проходи. Сними бейсболку. Дай сюда. Вот, повесь там. Маааа, ты где? У нас еще тапки есть?

– Не надо, я босиком.

И меня слегка дёрнуло. Этот голос. Я ведь не могла его спутать, я точно его слышала раньше. Почему у меня от него сердце затрепыхалось и сжалось в тревоге и страхе? И руки слегка задрожали. Я вышла в коридор, сделала пару шагов и замерла, стиснув пальцы между собой с такой силой, что захрустели суставы, и медленно втянула воздух, чтобы истерически не заорать: «Пошел вон отсюда!».

Я его узнала. Того самого пацана в серой куртке, которого его уроды-друзжки называли Вадимом. Тот, что дорогу мне преградил и сотовый отобрал. И тот, что потом струсил, когда увидел, кто мне звонит. Вот почему они меня отпустили – он Тасю мою на дисплее узнал. Если б не узнал, кто знает, чем бы это все закончилось. Ладони вспотели, и я все никак не могла начать дышать спокойно и ровно.

А он стоит, нагло мне в глаза смотрит, волосы на лоб упали, в ухе серьги, из-под темной футболки на шее тату щупальцами выползло. Джинсы драные на

коленях, застиранные. Брови густые и глаза волчьи, дикие. Злые глаза молодого зверька, готового свое выгрызть правдами и неправдами. Узнал меня. По взгляду вижу. Прищурился и выжидает, глаза не отвел, не опустил, смотрит так, словно право смотреть имеет. Внутри поднялся протест и глухая ярость.

– Мам, это Вадик, мой... мой...

– Её парень, – заявил тот, фальшиво растянул очень полные губы в усмешке и обнял мою дочь за талию. Прикоснулся, а меня аж передернуло. – Пришел поздравить ее с днем рождения и заодно ее маму, такую молодую и ужасно красивую.

Таська прям запылала от его слов, глаза счастьем горят. Улыбка в уголках рта подрагивает, и рука на его руке дрожит. Я снова на него взгляд перевела. Ублюдок, и хватает же наглости ко мне в дом прийти и за стол сесть после того, как...

– Мам, – Тася перестала улыбаться, – что с тобой?

– Наверное, я дресс-код не прошел. Мне в такие хоромы в костюмчике надо было. Я ж говорил – это плохая затея, и я ей не понравлюсь.

Я прищурилась – умный гад. Давит на то, что не понравился мне, потому что нищеврод. И знает, что Таську это заденет. Сволочь подлая и хитрая. Он мне не просто не нравился, меня потряхивало от его смазливой и наглой физиономии и хотелось ее разодрать ногтями. И вообще крикнуть, чтоб руки свои поганые от нее убрал.

– А у вас он есть? Костюмчик?

Саркастически вздернула бровь и склонила голову к плечу.

– Нет. Не имеется. Но если бы знал, что здесь селекция, я бы приобрел.

– Неужели? Прямо за свои кровные?

– Да. Нищевроды иногда работают. Не в престижных компаниях, правда.

Вот теперь его взгляд сверкнул, а я сдавила пальцы еще сильнее.

– Мама, я не понимаю, в чем дело? Вадим мой гость. Пригласи его за стол, пожалуйста.

Перевела взгляд на дочь и тут же почувствовала, как кольнуло в области сердца – нельзя ей говорить. Она почувствует себя слишком несчастной. Ее это сломает. Я так и видела, как в ней порхают разноцветные бабочки, которым так не хотелось сжигать крылышки. Ничего, я от этого подонка избавлюсь иными методами.

– Конечно, проходите за стол, Вадим, костюм купите в следующий раз.

Я показала рукой на гостиную, где накрыт стол, и провела самоуверенного хама взглядом полным презрения, отмечая – насколько он высокий и пружинистый, правда, как зверь. Судорожно выдохнула, стараясь успокоиться, а он обернулся на меня у самого входа в комнату, посмотрел из-под растрепанной темной челки и нагло подмигнул. По телу тут же прошла волна панической гадливости. Ничего, я тебя вышвырну из ее жизни щелчком пальцев.

Глава 3

Я даже не слышала голосов гостей. Не могла успокоиться. Я смотрела, как он ест мои салаты, ковыряясь вилкой, показывая всем татуированные пальцы, и вспоминала, как чьи-то руки тянули меня сзади за кофту, а потом за лодыжки. Мне почему-то казалось, что это непременно были его руки. Я не оставлю эту мразь рядом со своей дочерью. От одной мысли, что он может обидеть мою девочку, меня начинало трясти.

– Мам, – Тася подтолкнула меня в бок, и я перевела на нее взгляд, фальшиво улыбаясь, – вот видишь, Дина тоже не поступает в этом году, она идет на курсы парикмахера и поступит в следующем. А Вадим вообще уже давно работает и содержит себя сам. Он сразу после школы работать начал.

Видели мы, кем работает Вадим. Карманником и насильником – вот он кем работает.

– Я считаю, что без образования человек мало что из себя представляет. А точнее, не представляет вообще. Биологический мусор в большинстве своем, наполняющий улицы бандитизмом, насилием, жестокостью и проституцией.

Все опустили вилки и посмотрели на меня. Дина округлила глаза, а Тася стиснула под столом мое колено.

– Мам, как человек может быть биологическим мусором? Это же человек.

– Я так понимаю, твоя мама считает, что если у человека нет диплома и нескольких лет обучения в престижном вузе за плечами, то его, априори, надо отстреливать, потому что он представляет опасность для общества.

Склонил голову к плечу и улыбается. Всецело доволен сказанным. Считает себя умником. Наглые глаза чуть прищурены, наблюдает за реакцией. Очередной вызов мне. Ему нравится происходящее, он наслаждается каждой секундой моей ярости и растерянности. Красивое правильное лицо с капризными губами и четко очерченными скулами не вызывает восхищения, а раздражает еще больше, потому что подонку достались незаслуженные бонусы от природы. Он ими заманивает таких юных идиоток, как моя Таська, и ещё явно пытается опробовать на мне.

– Именно. Некоторые действительно представляют огромную опасность для общества. И их надо отстреливать. Жаль, у нас нет таких законов.

– Вы бы смогли взять в руки оружие и стрелять в людей? Решая – кто из них мусор, а кто нет? Тогда в каком месте образование способствует уменьшению роста насилия и жестокости на улицах?

Сукин сын поставил мне шах и мат, но играть дальше я не собиралась. Он не достоин, чтоб я вообще с ним разговаривала. Я повернулась к дочери.

– Я пойду. Вы посидите сами, хорошо?

Тася закивала, насторожено глядя мне в глаза и не понимая, от чего меня так срывает, а мне срочно надо было уйти оттуда, иначе я бы не сдержалась. Меня раздражало и дико бесило каждое сказанное им слово, каждый его жест. Во мне клокотала неконтролируемая волна ненависти, и я впервые в своей жизни не могла ею управлять. Потому что этот подонок бросал мне вызов. Я видела по его светлым глазам, черт его знает какого они цвета, я не могла долго смотреть в его смазливо-отвратную рожу, потому что мне в нее хотелось плюнуть. Встала из-за стола и вышла на балкон, ужасно хотелось вдохнуть свежего воздуха, еще никогда меня так не трясло от раздражения и ощущения бессилия, что не могу вышвырнуть морального уродца из своего дома прямо сейчас. Я долго стояла, вдыхая вечернюю прохладу и запах сирени. Я должна успокоиться. Таким поведением я ничего не добьюсь кроме отчуждения Таси, я уже видела по ее глазам, что она испытала самое отвратительное чувство, которое родитель может вызвать в ребенке – стыд за него. И я не хотела из-за этого ублюдка терять свой авторитет у дочери. Но еще больше сводило с ума, какими глазами она смотрела на этого мерзавца, словно внимала каждому его вздоху, не то что слову. И я прекрасно осознавала почему – такие нравятся женщинам. Есть в них нечто, сводящее с ума. Совокупность броской внешности, вызова окружающему миру, наглости и какого-то до дикости развитого интеллекта. Лично для меня просто копирующая умников обезьяна, вырвавшаяся из клетки. Опасная, дикая обезьяна, которая корчит из себя человека.

Зазвонил мой сотовый, и я скривилась, увидев – кто звонит. Мой... как же его правильно назвать? Даже не мужчина, не любовник. Приятель, с которым я иногда приятно провожу время. Он, конечно, считает иначе.

– Привет, Вов.

– Я поздравляю тебя с изменницей, моя девочка.

«Моя девочка» и теперь коэффициент моего раздражения увеличился вдвое. Я вообще терпеть не могла все эти «моя», «любимая», «единственная». Пафосная ерунда.

– Спасибо, – бросила взгляд вглубь квартиры – там образовалась какая-то суета, – ты еще в командировке?

– Да, но у меня радостная новость – я дня через три уже приеду и сразу же к тебе. Ужасно соскучился.

Я кивнула сама себе, и вдруг дверь на балкон открылась, резко обернулась, и рука стиснула корпус сотового с такой силой, что, казалось, он затрещал.

– Не помешаю? Настя сказала, что я могу курить здесь. Так обычно делают ваши гости.

Я подчёркнуто равнодушно пожала плечами и отвернулась, делая вид, что меня совершенно не волнует его присутствие.

– Я думаю, можно после моего возвращения куда-нибудь поехать, – голос Владимира не смолкал, – я найду горящий тур, и мы затеряемся на пару дней. Моя командировка была очень удачной, могу себе позволить отдых со своей женщиной.

Я обычно одергивала его каждый раз, когда он пытался заявить на меня какие-либо права, но в присутствии этого мерзавца я не собиралась вести откровенные беседы.

– У меня сейчас на работе полнейший аврал, Вов. И у дочери выпускной на носу и госы. Поэтому с поездками ну совсем никак.

Краем глаза вижу, как ублюдок стал рядом, облокотился спиной о парапет и затягивается сигаретой. Мне плохо видно в темноте его лицо, я вижу только огонек, то блекнувший, то возгорающийся ярче. Меня напрягает, что он стоит рядом. До трясушки хочется выдрать у него изо рта сигарету, сломать ее, а ему указать на дверь. А еще – сменить у себя дома все замки.

– Ты какая-то напряженная. Что-то случилось?

Да, у меня случился подонок, который крутится возле моей дочери, и я не знаю, что мне с этим делать. Подонок, который чуть меня не изнасиловал в подъезде со своими дружками. А ты тут звонишь и бесишь меня.

– Все хорошо. Устала. На кухне крутилась со вчера вместе с Тасей.

Докуривай и вали отсюда. Окурок полетел вниз, и я смерила ублюдка гневным взглядом, а он развел руками и громко сказал:

– У вас нет пепельницы, я мог бы бросить на пол, но так, наверное, некультурно. Мое образование мне подсказывает....

– Кто там с тобой? – о господи, мне только этих дебильных вопросов не хватало именно сейчас.

– Гости моей дочери, Вова.

Подонки злорадно ухмыльнулись. Теперь мне было видно его лицо – свет от фонаря падал как раз на него, и я тут же отвела взгляд. Сунул в рот еще одну сигарету, но уходить не спешил.

– Я позвоню тебе завтра. Мне надо убирать со стола.

Отключила звонок и теперь смотрела в поблескивающие в полумраке наглые глаза пацана.

– А врать некрасиво, Ольга Михайловна. Это ваш любовник?

Адреналин взметнулся вверх по венам с такой скоростью, что у меня дух захватило.

– Что? – от его наглости я даже не совсем была уверена, что услышала вопрос правильно.

– Я спросил – это ваш любовник?

– Не твое дело. Ты покурил? Все, освободи помещение.

– Я курю обычно по две. Не возражаете? – и прикурил от зажигалки, огонек вспыхнул на несколько секунд и осветил его длинные девчоночьи ресницы, ровный нос и краешек длинной челки, а так же красивые нервные пальцы с рисунками, выбитыми на фалангах.

– Возражаю.

Я выдернула у него изо рта сигарету и вышвырнула с балкона. С какой радостью я бы сделала то же самое и с ним.

– Возражаю. Я вообще хочу, чтоб ты убрался из моего дома, и не понимаю, как у тебя хватает наглости здесь находиться.

Улыбается. Да, он опять улыбается своей чертовой ухмылочкой безбашенного, отбитого уличного мерзавца, уверенного в своей юношеской неотразимости.

– А вы дочери не рассказали, да? У вас пепел на волосах, – протянул руку к моим волосам, и я отпрянула назад. – Почему? Сочли постыдным или слишком волнующим для ее психики?

– Я расскажу, не сомневайся.

– Сомневаюсь. Не расскажете. Вы подавитесь каждым словом. Да и честность не ваш конек.

– Пошел вон из моего дома.

– Мне здесь нравится. И ваша дочь, Ольга Михайловна, мне тоже очень нравится... она похожа на вас. Только вы намного красивее. Там... в подъезде. Они все это увидели, как и я. Вы слишком привлекаете мужское внимание своей узкой юбкой, длинными ногами и этими роскошными волосами.

Он говорил отрывисто и с какой-то непонятной страстностью в голосе, словно сам не мог остановиться, и его будоражили собственные слова.

– Мы не видим таких женщин в повседневной жизни. Только в кино. По телевизору. По-старому, совдеповскому телевизору в однушке с обшарпанными стенами.

Сделал шаг ко мне, а я попятилась назад.

– Вы живете в другом измерении. Едите, пьете, болтаете с подружками. Трахаетесь с богатыми мужиками, а мы можем только облизываться на таких и мастурбировать по ночам. Вы провоцируете голодных своим видом, маячите, как красная тряпка перед носом у быка, понимаете? Вот мы и не сдержались... поначалу. Вас никто не тронул. У вас ничего не украли. А вы до сих пор истерите, но продолжаете носить все эти вещи...

Обвел меня каким-то совершенно диким взглядом с ног до головы. И меня в дрожь бросило, словно, и правда, голодный шакал. Сукин сын, меня просто трясло от его слов и беспредельной наглости, меня подбрасывало от нее с такой силой, что, кажется, я могу его убить.

– Просто убирайся. Я не знаю, что ты делаешь возле моей дочери, но, скорее всего, такое ничтожество, как ты, нашло еще один способ заработать. Так вот, я тебя разочарую – у нас денег нет. Можешь здесь не ошиваться, тебе не выгорит. Тася не будет с тобой встречаться, поверь мне на слово. Тебе не светит такая девочка из телевизора, ясно?

Усмехнулся, как оскалился. Тряхнул челкой, и в ухе звякнуло пару серег.

– А вы стерва, Ольга Михайловна, манипулируете дочерью? Давите на нее? Вы никогда не думали, что манипулировать в этой жизни получается далеко не всеми?

Если бы я могла его ударить, я бы ударила, мне даже хотелось его расцарапать в кровь. Это было нечто животное и неконтролируемое. Никогда в жизни я не испытывала такого жгучего чувства бессильной ненависти.

– Я, может, и стерва, и манипулирую СВОЕЙ дочерью, а ты подонок и мразь, который насилует женщин по подъездам только потому, что они для него недоступны. Просто потому что ты ничтожество.

Дернулся чуть назад, как от пощечины. Улыбка не просто пропала, а и челюсти сжались до скрежета.

– Вас никто не насиловал. Я не позволил.

- Конечно, ведь ты узнал номер моей дочери на дисплее моего сотового.

- Вам становится легче? Когда вы так думаете?

- Нет, мне так становится страшнее. Каждый день идти и бояться, что такая мразь, как ты, может запросто искалечить или убить.

- Раз вам так страшно – водите с собой своего любовника. Пусть не только трахает, а еще и охраняет вас от насильников.

Это был контрольный выстрел в голову. Спусковой механизм, после которого у меня сорвало все планки. Я замахнулась, и этот момент дверь на балкон приоткрылась, и Тася замерла на пороге.

- Вы что – поссорились? – как-то разочарованно и грустно спросила она.

- Нет, конечно, – ответила я, и сукин сын снова злорадно оскалился. И я знала почему – я солгала. Нет, он не обезьяна – он все же шакал. Молодой, борзый и жестокий зверь. Он не пощадит никого, кто встал у него на пути.

- Мы говорили с твоей мамой об образовании и его ценности в наше время.

Тася посмотрела на меня, потом на него, и тут же ее взгляд смягчился – она улыбнулась. Ему.

- Мою маму очень сложно в чем-то переубедить. Она свое мнение почти никогда не меняет.

- Это я заметил. Пошли за стол, я хочу попробовать твой торт.

Нарочно демонстративно обнял дочь за талию и увел вглубь квартиры, а я шумно выдохнула, взялась за перила, тяжело дыша и стараясь прийти в равновесие. Подонок наглющий, мерзкий подонок, который прекрасно знает, как манипулировать дурочками-малолетками, и судя по тому, с каким обожанием на него смотрит Тася, он уже запудрил ей все мозги.

Глава 4

Я смотрела в окно, как Тася вышла его проводить. Стоят у его мотоцикла, и она волосы ему поправляет, а он ноги длинные расставил в ботинках бесформенных и за талию ее держит. Не знаю, что говорит ей, а я все еще клоочу изнутри и жду ее домой. Отошла, шторку отпустила, руки мелко подрагивают. Сама не знаю, что почувствовала там на балконе. То ли испугалась, то ли... не знаю... но было в этом что-то странное. Не смотрел он на меня, как друзья Таськины смотрят. У него взгляд иной. Мужской и наглый. Взгляд, от которого щеки полыхать начинают, и хочется по физиономии ударить, чтоб не смел так разглядывать. Потому что сопляк, пялиться на взрослую женщину. Никакого уважения.

Услышала, как дочь дверь прикрыла, и я тут же позвала ее к себе на кухню, протирая уже помытую посуду полотенцем и расставляя аккуратно на полке в шкафчике.

– Мне не особо хочется с тобой сейчас говорить, мама.

Заявила откуда-то из коридора, и я с трудом подавила вспышку злости. Надо сдержаться. Надо деликатно и аккуратно. И надо сегодня. Завтра уже поздно будет.

– А мне хочется, Настя. Иди сюда, пожалуйста.

Зашла в кухню, стоит в дверях, готовая в любой момент сорваться к себе, а я взгляд на ее губы бросила – красные. Целовалась с ним. Ударить теперь хотелось и ее. Нашла – с кем. С козлом этим малолетним, нищим, наглым. Так бы и умыла, и спиртом губы продезинфицировала. И понимаю, что злость эта какая-то несоразмерная. Какая-то нелепо слишком сильная.

– Сядь.

– Зачем?

– Затем. Садись, я хочу с тобой поговорить.

Дочь села на край стула и смотрит на меня непривычным для меня взглядом. Чужим и колючим. словно я вдруг врагом номер один стала за какие-то считанные минуты. И она знает, о чем я буду с ней говорить, а точнее, о ком. Она готова к атаке.

– Ты зачем Вадима обидела, мама? Ты же знаешь, как он мне нравится.

Я изо всех сдерживалась, чтоб не разорваться и не начать бить эти тарелки о пол. Я обидела ее Вадима. Я.

– Твой Вадик просто уличная босота. Он ничего из себя не представляет. Я уверена, что он наркоман. И на правду не обижаются.

– Откуда такая уверенность? Он даже не курит почти. Сегодня только. Он спортом занимается серьезно и работает. Ему некогда по улицам.

Я звякнула тарелкой и резко к ней обернулась:

– А ты знаешь, чем он занимается? Ты знаешь, какой он? Ты сама говорила, он голову тебе морочит. И вообще, тебе об учебе надо думать и как в универ поступить. Не нравится он мне... Не просто не нравится, а бесит.

– А мне нравится! Мне нравится, понимаешь? Я, может, люблю его.

Я не сдержалась и расхохоталась.

– Любишь? Да что ты понимаешь в этом возрасте о любви! Любит она. И кого? Вот этого...

Таська вскочила из-за стола.

– А ты много понимаешь, да? По себе судишь. Это ты отца никогда не любила. Ты его бросила. Ты вообще кроме себя никого не любишь. Ты думаешь, я стану жить так, как нравится тебе?

– Станешь! – зашипела ей в лицо, – станешь, потому что я тебя соержу, ты живешь у меня в доме. Не работаешь.

Я уже не могла сдержаться, знала, что все не то говорю, что не так надо, а меня несет по течению и сорвало все паруса. В глазах дочери заблестели слезы.

– Это он тебя настроил против матери? Он, да? Ты раньше так со мной не говорила. Посмотри на меня! Я добра тебе хочу, будущего хочу для тебя хорошего. Чтоб человек из тебя получился.

– Не биомусор, да? А я с ним хочу быть. Он хороший, ясно? Ты ничего о нем не знаешь. Он говорил, что ты умная и красивая, и чтоб я слушалась тебя, а ты... ты снобка. Ты злая, мама. Ты не думаешь ни о ком, только о работе своей и о том мужике, который звонит тебе, а ты прячешься, чтоб при нас не говорить. И... эти разговоры о нищетоходах, мусоре... ты понимаешь, как это мерзко?

Она расплакалась, а я схватила ее за плечи.

– Тасенька моя, я же люблю тебя, я все для тебя. Я не хочу, чтоб ты за такого замуж вышла, или вот с таким...

– С каким – таким?

Сбросила мои руки.

– Какой он не такой? Не богатый? Что с ним не так?

Мне захотелось крикнуть ей в лицо – какой, но я вдруг поняла, что она меня сейчас не услышит. Она зациклена на нем, он просто въелся ей в мозги, и, чтоб я сейчас не говорила, она все воспримет в штыки..

– Это ты не такая! Что тебе надо было от папы? Чем не такой был? Не изменял тебе, не обижал, а ты его предала... Ему до сих пор больно. Ты людей не ценишь, не знаю, какими мерками ты их измеряешь... но они неправильные, мама.

А вот и бессилие, оно навалилось тяжелейшим грузом и придавило меня к полу, как мешком с камнями. В горле начало драть комком рыданий. Словно она меня

бьет своими словами в солнечное сплетение. Я выпрямилась и набрала побольше воздуха.

- Ты не будешь с ним встречаться, Тася. Я не позволю. Я все расскажу отцу.

- Буду! Я сама все ему рассказала. Папа знает о Вадиме! Ясно? Не выйдет, мама. Шантаж не получится.

Выскочила из кухни и стукнула дверь у себя в комнате. Потом что-то протасила по полу – кроватью от меня забаррикадировалась. Я села за стол и закрыла лицо руками. Что я делаю не так? В каком месте я упустила? Как так? Я решительно встала из-за стола и пошла к ее двери, громко постучала.

- К отцу поедешь. Сдашь экзамены и все. Нечего тебе тут делать. Пусть он за тебя отвечает!

Она разрыдалась еще сильнее, а я в бессилии зашла к себе и сползла по стене на пол, закрыла лицо руками, меня трясло и, казалось, даже внутри все ходуном ходит. Никогда раньше так не конфликтовала с ней, никогда она мне не говорила таких слов. Словно не моя дочь сейчас стояла передо мной, а некто похожий на этого ублюдка... Я должна успокоиться, должна хорошо подумать и взять себя в руки. Она просто попала под его влияние. Это моя дочь, и я знаю, как себя с ней вести. Все будет хорошо.

Уснуть я так и не смогла, всю ночь просидела у окна, сжимая плечи руками и глядя на деревья, покрытые белыми цветами как снегом. А ведь я тоже была подростком, делала глупости. Если, конечно, можно так назвать связь с моим бывшим мужем. Выпускной, много выпивки, и один из самых крутых парней с деньгами везет меня на своей машине к себе на дачу дальше отмечать. Леша давно на меня глаз положил, а моя мама изо всех сил дружила с его родителями. Именно изо всех сил, потому что мама всегда дружила с нужными людьми. Она так привыкла. У нее всегда и везде были знакомые. Мы переспали в ту ночь, и, наверное, именно этого я ему так и не простила. Он напоил меня шампанским на их даче и взял. Нет, не насильно, но и не совсем по моей воле. Утром окажется, что мы это делали несколько раз, а через пару месяцев меня начало рвать и тошнить. Леша пришел ко мне сам, моя мама позвонила его матери, и он на коленях умолял меня дать ему шанс, родить нашего ребенка. Мы поженились, и

эта свадьба больше походила на какую-то коронацию. Пафосный фарс с самыми крутыми фотографами. В самом крутом ресторане города. Я не знала в лицо ни одного из гостей, и их было так много, что я никого не запомнила. Ночью он взобрался на меня и под мой застывший взгляд трудился над моим телом, а меня вырвало, едва он кончил. Нет, Леша был очень хорошим, он много сделал для меня и безумно меня любил. Но в один момент я поняла, что больше не хочу – как надо, и я представляю из себя не меньше, чем он, и я больше не хочу смотреть в потолок, когда он надо мной пыхтит. Может, я фригидная, и ему вот так не повезло, а мне ничего и не нужно. Я сама о себе позабочусь.

Сейчас я не знала – хочу ли того же для своей дочери... И чего я вообще хочу для нее. Но я точно знала, что не такого ублюдка, как этот оборванец без гроша в кармане. И дело не только в деньгах, а в том, что такие вот их не умеют зарабатывать. Они выдирают эти деньги где умеют, а потом гниют на нарах. С ним она будет как на пороховой бочке. Он ей жизнь сломает. Не позволю ей себя закапывать.

Утром я забрала у нее сотовый и вырубил в доме модем, а еще сказала, что, если узнаю об их встречах, она в тот же день уезжает к отцу. Мне казалось, что я справилась с проблемой. Наивная. Какая же я наивная. Из моих намерений мягко и тактично с ней поговорить ни черта не вышло. Мы обе изошлись на эмоции, и все из-за этого подонка. Ничего... все пройдет. Я в это верила. Наверное, каждый из родителей рано или поздно оказывается в ситуации, когда понимает, что уже не имеет никакого влияния на своего ребенка, и это выбивает почву из-под ног и причиняет сильную боль, с которой практически невозможно справиться. В этот момент дети от нас и уходят, даже если и продолжают с нами жить под одной крышей.

Какое-то время воцарилось спокойствие, и я не слышала ничего о Вадиме, а дочка вроде бы успокоилась, и мы даже начали разговаривать. Такое затишье перед большой бурей, которая к чертовой матери все сметет на своем пути. Но в моей жизни бури случались весьма редко, единственной был мой развод, когда против меня ополчились все, включая моих собственных родителей.

И я искренне надеялась, что больше не встречу того мерзавца никогда. Я ошиблась. В тот день с утра были пробки, и машины стояли чуть ли не на тротуарах. По понедельникам всегда так – яблоку негде упасть. Мне пришлось свою бросить за два квартала от офиса. Даже платная стоянка была забита, а я вышла на работу не рано, с утра до ночи делала частные переводы. Надо было

на поступление поднакопить, а у мужа я не любила выпрашивать. Я вообще не любила чувствовать себя кому-то обязанной. Задержалась допоздна, сама не заметила, как начало темнеть. Уборщица постучала вежливо в мой кабинет. Намекая, что пора бы и честь знать, ей из-за меня тоже задерживаться придется.

Я извинилась. Сложила книги и словарь в сумочку, упаковала документы в файлики, чтоб поработать ночью, потому что все же не успела сделать важный перевод с китайского для компании по производству электроники и ее представителей в нашем городе. Набрала Тасю, проверила, что она дома. Последнее время я делала это постоянно. Как оказалось, совершенно не напрасно и напрасно одновременно, так как воду в кармане не застегнешь – все равно просочится, она тоже просачивалась из-под моего контроля куда-то в улицу и в проблемы. Просачивалась к нему... но я-то свято верила, что с этой бедой справилась и отделалась легким испугом.

Вышла из офиса, и пошла по узкому тротуару, цокая высокими каблуками по направлению к припаркованной машине. Это случилось настолько неожиданно, что от испуга и шока я выронила и сумку, и сотовый, и все папки.

Передо мной появился этот парень. Из ниоткуда. Просто из воздуха. Приземлился на ноги и пружинисто выпрямился. На нем светлая толстовка с капюшоном и светлые штаны, рваные на коленях. Лица почти не видно, но я его узнала. Сама не знаю, как, но узнала. Вскрикнула, а он ухмыльнулся, и белоснежные зубы сверкнули в полумраке.

– А вы не усвоили урок, Ольга Михайловна, продолжаете ходить в темноте. Кстати, добрый вечер.

Ни черта он не добрый, если ты свалился на мою голову. Наклонился вместе со мной собирать папки и бумаги, подавая их мне и глядя на меня из-под капюшона.

– Вы сейчас нарочно делаете вид, что меня здесь нет, или это воспитательные приемчики?

– Просто уйдите, не надо мне помогать и вообще ничего не надо.

Я нервничала и, нет, это не было страхом, это было едкое раздражение и что-то еще, не поддающееся определению. Нечто пугающее, неприятное, заставляющее не смотреть ему в лицо и стараться быстрее все сложить в сумочку, и бежать от него без оглядки.

- Темно уже. А вы ходите одна.

- А ты весь испереживался, да?

Он подавал мне разлетевшуюся на части ручку и несколько тетрадных листов с набросками переводов. И у меня вся кровь к щекам прилила, когда увидела, как он смотрит на мои колени, а потом в вырез блузки под жакетом, даже рот чуть приоткрылся. Я резко встала на ноги, одергивая юбку, и он выпрямился вместе со мной, трет ладонь о ладонь с растопыренными пальцами. Кажется, что он тоже нервничает.

- Конечно, ведь вы - мать моей девушки, - улыбнулся и сунул руки в карманы.

- Тася не твоя девушка и твоей девушкой никогда не станет. Ясно? Просто забудь о ней и все. Дай пройти.

В этот раз он посторонился. А я так и не смотрела на него. Не хотела. Знала, что увижу глаза его наглые, и волна протеста захлестывала, как цунами. Волна протеста и понимание, что на меня так никто и никогда не смотрел.

- Может, подвезете? Мне в ваш район как раз надо, заодно побуду вашей охраной.

Я усмехнулась, от этого нахальства злость перерастала в нервный припадок, и бесит, что рядом идет, спиной пятится, чтоб на меня смотреть, сверлить, жрать этими своими волчьими глазами.

- С такой охраной и маньяки не нужны, - огрызнулась я, отыскивая взглядом машину.

- Вам идет бордовый цвет, Ольга Михайловна.

Я резко остановилась, и он остановился, руки из карманов так и не вытащил, смотрит, как и всегда, исподлобья и какую-то травинку жуёт. Губы у него очень полные, поблескивают, влажные. Очень красивые губы.

- Compliments папа говорить научил или прочитал где-то?

Улыбка с его лица пропала, и взгляд уколол почти ощутимо на физическом уровне. Очень «говорящая» у него мимика – то обжигает, то пугает, то... не знаю что. И мне ужасно не нравилось, что не знаю. Неуютно становилось.

- Что вы, Ольга Михайловна, я ж читать не умею. Образования никакого. Это просто природный талант.

Насчет отца промолчал. Значит, либо нет отца, либо алкаш какой-то. И опять волна презрения вместе с каким-то ощущением непонятным. Ощущением, что он не из-за дочки ходит за мной. Ощущением, что я ему нравлюсь, и тут же как хлыстом по спине. Мерзость какая. Мелкий уличный ублюдок с его симпатиями ко мне и к моей дочери не имеет права даже приближаться к нам обеим. Я пикнула сигнализацией и открыла дверцу машины.

- Значит, не подвезете?

Придержал дверцу рукой. Нависая надо мной и не давая сесть в салон автомобиля.

- Талантливый и догадливый.

Оттолкнула в грудь и, захлопнув дверцу дрожащей рукой, сунула ключ в зажигание, взревел мотор, и я нажала на газ, включая фары, сдавая назад и видя, как ловко он отскочил в сторону и, пока я выруливала с парковки, смотрел в лобовое стекло, сунув руки опять в карманы и спрятав лицо под капюшоном, а потом легко, как пантера, запрыгнул на забор, а затем и вскарабкался на само здание соседних офисов. Когда я выехала на дорогу, у меня все еще дрожали колени и не от страха... я так и не поняла, почему рядом с ним меня все время пробивало дрожью.

Глава 5

Я остановила машину у дома, посмотрела на окна – дочь дома. Свет горит на кухне и в ее комнате. Выдохнула с облегчением и вышла из авто, перекидывая сумочку через плечо. Настроение безнадежно испорчено, и руки все еще подрагивают. Выбил из меня все равновесие. Никогда еще я не ощущала потерю контроля над своими эмоциями и гневом. Надо просто успокоиться. Какой-то сопляк точно не сможет превратить меня в нервную истеричку.

«Уже превратил» внутренний голос звучал злобно и с ненавистью к самой себе.

Зашла в подъезд, но дверь не успела закрыться. Характерного хлопка я не услышала, и, обернувшись, я увидела Вадима. Запыхавшийся, толкнул дверь руками. Вот этого мне только и не хватало. Что ж это делается такое? Почему он никак не оставит меня в покое? Я ускорила шаги к лифту, нажала на вызов и стиснула ручку сумки сильнее. Черт, почему я так и не купила газовый баллончик.

– Кажется, мы попрощались, – нервно глядя на светящиеся цифры вверху.

Когда поравнялся и стал рядом, глядя на меня – я этот взгляд ощущала всем телом.

– Не попрощались, и я решил, что это невежливо.

Нааааглаый гад.

– Ничего, я переживу.

Чееерт, и даже если закричу, ни одна тварь не выйдет ведь. Обещали скоро посадить у нас вахтера в подъезде. Но черт его знает, когда это произойдет. Идти по лестнице не вариант, как и ехать с ним в лифте. Стоит рядом, не уходит, и я не замечаю, как нервно нажимаю на кнопку вызова.

– Нервничаете? Боитесь меня?

- Кажется, это логично. Ты что - следил за мной?

- Да.

Меня аж подкинуло, и я резко вскинула на него взгляд - снял капюшон, и волосы торчат в разные стороны, половина на лоб неровно упала. Такой юный, растрепанный и... и красивый.

- Зачем?

- А я вас теперь каждый день с работы домой провожаю. Вы просто не видели.

И впервые за все это время я посмотрела ему в глаза. Зачем не знаю. Я пожалела об этом в ту же секунду, в то же мгновение, потому что меня как током ударило, и внутри что-то всколыхнулось, как смерч под ребрами завертелся, и от него пепел в разные стороны. Словно это я там сгораю за какие-то доли мгновений. Безумно красивые глаза у него, дикие, цвета насыщенного сине-серого, цвета ненастного неба во время грозы или за секунду перед вспышкой молнии, брови густые и широкие, и оттого взгляд всегда как исподлобья. Смотрит вызывающе, нагло, с мужским блеском в зрачках... о боже, я просто запуталась. Не может он так смотреть на меня. Не может, и все. Мне кажется. Просто он зарвавшийся подонок, у которого нет никаких границ. Унизить взглядом своим тоже хочет. Судорожно сглотнула. Врет. Не провожал. Я б увидела. Ничего не пойму - зачем он все это говорит? Пытается мне угодить, умаслить меня? Я вообще себя рядом с ним голой чувствую и униженно растерянной. Мне не нравилась эта потеря контроля. Ужасно хотелось бежать, притом неизвестно куда. Мысленно я словно металась по клетке и не знала, где из нее выход.

- Тебе это ничем не поможет. Тася все равно не будет с тобой. Я не позволю. И можешь не провожать.

Лифт приехал, я двинулась в сторону кабинки, и он вдруг схватил меня за локоть.

- Потому что этот ваш приезжает? Я слышал. На крутой тачке с работы забирать будет, да?

– Не твое дело. Оставь меня в покое. Меня и мою дочь!

Дернула рукой и вошла в лифт. Стараясь не смотреть на него. Я вообще растерялась и понять не могла, что именно чувствую. И руки все еще подрагивают. Нажала на 7 этаж, выдыхая шумно и резко, когда дверцы закрылись, оставляя его по ту сторону. Закрыла глаза. Да что ж это такое? Что ж меня от него так потряхивает. Наглая сволочь, ни капли ни стыда, ни уважения. Едва из лифта вышла, в сумочку полезла за ключами, как он вдруг из темноты мягко приземлился рядом со мной. С лестничных перил соскочил. Охнула, а он за талию подхватил и в стену впечатал.

– Я бы не позволил им с вами ничего сделать, слышите? Хочу, чтоб знали. Не позволил бы... но вы такая... такая красиваяя. С ума сойти.

Меня парализовало от неожиданности и от этой внезапной близости. От него пахло уличной свежестью, зеленью, жвачкой, сигаретами и особенным запахом его личным. Оттого что лицо вплотную к моему приблизил, его челка мне лоб щекочет. А я невольно на губы его посмотрела, и вдруг как ошпарило – невольно представила, как эти губы мои целуют. Они, наверное, очень упругие и мягкие... по телу волной прошла дрожь, и я рвано выдохнула.

– Отпусти, – хрипло словно голос вообще не мой, вцепилась в его толстовку на сильных плечах, и в горле пересохло от ощущения мышц железных под пальцами. Молодой зверь, пружинистый, гибкий и такой бесстыжий. Губы к моим губам приблизил, считанные наносекунды от поцелуя и прикосновения. Меня тряска начинается, дыхание сбивается, как и его, а он вдруг ухмыляется и сильной ладонью обхватывает мой затылок, зарываясь в волосы, у него такие пальцы настойчивые.

– Врете вы все, – шепотом, выдыхая мне в губы, почти касаясь их своими, – вы с Тасей мне не даете встречаться, потому что я вам нравлюсь.

Это было ведро холодной воды. Нужное, невероятно ледяное, отрезвляющее до боли в груди. Ударила по щеке так звонко и сильно, что ладонь вспыхнула пожаром, а он продолжает ухмыляться и даже с места не двигается.

– За правду всегда бьют очень больно, Ольга Михайловна.

– Никогда, – прошипела ему в лицо, – никогда больше не ходи за мной, никогда не разговаривай и не приближайся ко мне. Иначе...

– Иначе что?

Тут послышалась возня за дверь мою квартиры, и она распахнулась, на пороге стояла Тася с округлившимися от удивления глазами.

– Мама... Вадик?

Я судорожно глотнула воздух, поправляя тонкий шифоновый шарфик на шее и чувствуя, как задыхаюсь, и губы все еще щекочет его дыханием.

– Да. Он хотел к тебе зайти, а я не позволила. Все, зайди в дом. Он уже уходит.

Взгляд на ублюдка – руки в карманы снова сунул и ухмыляется, приподняв одну бровь, и я знаю, чему улыбается, сволочь. Тому, что я опять вру из-за него. На дочь посмотрела, а она взгляда с него не сводит и щеки пылают. Кажется, сейчас вспорхнет как бабочка и в его сторону полетит.

– Привет.

– Привет, мелкая. Как дела? Не умаялась в клетке?

Дочка губу закусил и смотрит на него смущенно-радостно. Что ж это за хаос происходит, словно спектакль какой-то дешевый и декорации явно не в моем вкусе, как и фальшивая игра некоторых актеров.

– Так, давай в квартиру, Настя, все.

– Мам, я тут постою с ним, пожалуйста. Пять минут.

– НЕТ! В дом я сказала!

Буквально затолкала ее в квартиру и закрыла дверь на все замки.

– Ненавижу тебя! – Настя в слезах бросилась к себе в комнату, – ты бессердечная, мама! Ты бес-сер-деч-ная!

А я в ванную прямо в одежде и в обуви зашла, сумка на пол соскользнула. Стою, смотрю себе в глаза. И в голове мелькают картинки – его лицо так близко и запах в ноздри забивается. Запах дыхания, запах его кожи и волос. И губы... проклятые губы. Нееет. Я ведь не ждала, что он поцелует меня! Я ведь этого не хотела? Хотела... хотела... хотела. Эхо его голосом. О, господи!

Прижала руки к щекам и закрыла глаза. Открутила кран и начала брызгать себе в лицо, умылась и снова в зеркало – по щекам черные потеки от туши и пальцы губы трут.

«Вы такая... такая красиваяя. С ума сойти».

На повторе голос хриплый, возбужденный, срывающийся, как и дыхание. Он ведь по лестнице за лифтом бежал... за мной... Нет. Все. Бред какой-то. Я все себе придумала. Конечно же, придумала. Ублюдок к Таське подбирается. Медленно выдохнула, смыла до конца косметику и, сбросив туфли, пошла к комнате дочери.

– Тась. Тасенька моя, давай поговорим, а?

– Не хочу с тобой говорить..., не хочу... ты мне жизнь портишь... ты мне все ломаешь. Он ко мне пришел, а тыыы. Он же ни к одной так... все за ним, а он ко мне постоянно сам.

Постоянно? В висках адреналин пульсирует. Вот же ж сукин сын. А Настя всхлипывает и давится словами. Я лбом к двери прислонилась. Надо к отцу ее отправлять, иначе не удержу я ее, не услежу. Пусть едет и там учится. Так лучше для всех будет. Потом приедет на каникулы, и жизнь будет иными красками играть.

Достала дрожащими руками свой сотовый из сумочки. Набрала бывшего мужа...

С Лешей мы договорились, что он заберет Таську на выходные, а после выпускного и экзаменов она переедет к нему и поступать уже там будет.

Конечно, он очень сильно удивился, почему я вдруг передумала, и пытал меня вопросами, даже несколько раз перезвонил. Но я была готова терпеть его перезвоны, его внимание, лишь бы он сделал все, как я прошу. Я обещала, что мы поговорим, и я все расскажу, когда приеду ее забрать. Теперь у нас началась молчаливая война. Больше никакого перемирия. Она не завтракает дома, демонстративно тратит отцовские деньги на еду в школе, приходит с учебы и запирается от меня в комнате. Говорить со мной не желает. Молчание и полный игнор. Ничего. Перебесится. Пройдет. Как говорится – главное, не упустить момент, когда уже будет поздно. Я считала, что не упущу и поступаю правильно. А сама на работу приезжаю, и все мысли только о ней. Как поговорить? Как убедить, что я ей добра желаю. Что не пара он ей, и не только потому что не из мажоров, а потому что подонок он и рано или поздно боль ей причинит, и будущего ей никогда хорошего не обеспечит. О нем вообще думать не хотелось, едва вспомню, как щеки гореть начинают и руки подрагивать. Домой я теперь уезжала всегда пораньше. Но сегодня Вова обещал за мной приехать, и я на такси добралась с утра. В городе проходило какое-то празднество местного разлива – очередной депутат и кандидат в меры пускал избирателям пыль в глаза бесплатными развлечениями в центре недалеко от моего офиса.

Я думала, увижу своего любовника (про себя я называла его именно так и не знаю почему) и забуду про подонка с волчьими глазами, все на место встанет. Обязательно перестану прокручивать нашу последнюю встречу и искать в себе всякие моральные изъяны. Все же Вова мне нравился, и нравилось, как он ко мне относится. Мы договорились, что я доделаю «хвосты» по последним переводам, и он заедет за мной попозже.

Вова заявился с цветами и послал смску, что ждет на дальней парковке. Возле торгового центра по вечерам тоже особо негде стать, а особенно в праздники. Тем более там шла премьера какого-то ожидаемого молодежного боевика, а из центра дорогу к вечеру перекрыли. Вначале я ужасно обрадовалась, словно какое-то избавление появилось от наваждения по имени «Вадим»... но, едва увидев Владимира, почувствовала вселенское разочарование. Даже не знаю почему. Иногда такие вещи трудно объяснить. Вроде хороший человек, и всего день назад казалось, что у нас может что-то выйти с ним и даже с дочерью думала познакомиться. А сейчас смотрю на него, стоящего у машины с букетом длинных бордовых роз, и думаю о том, что скучно мне. Он скучный, розы его банальные скучные. Все, что сделает, наперед знаю, и куда пойдем, и что скажет. Что-то не так со мной. Надо к психологу сходить, как Ленка советует. Точнее, она советует найти себе страстного ухажера и трахаться до смерти, ну или пойти к психологу. Мне кажется, что для меня реальней все же пойти к

психологу. До смерти только в книгах и в кино трахаются. У меня бывало долго и не очень. Приятно и так себе. Иногда мне нравилось, как Вова ласкает мое тело и шепчет нежности, иногда меня это не совсем трогало. Но отношений хотелось. Я не знаю, как это объяснить. Одной быть как-то не совсем правильно. Менталитет у нас такой, принято с кем-то встречаться.

Поцелуи, скорее, раздражали сегодня, чем нравились. Мне казалось, что у него тонкие губы и говорит все как-то не так, и смотрит... смотрит словно собака побитая, ждет подачи. Жаждет. Вроде голод в глазах. Но отталкивающий, не притягивающий. Наверное, я плохой человек, и правда, нет во мне ничего женского, как говорил Леша. Не заводит меня никто, не трогает, не будоражит.

– Ну что, милая? Поехали отужинаем и ко мне? – в глазах надежда и нечто жалкое, умоляющее. Я вдруг поняла, что вот она их общая черта с Лешей – раболепие какое-то, навязчивость. И уйдя от мужа, я нашла себе примерно такого же, как и он. Возможно, потому что это удобно. Я сама совсем не мягкий человек, и мне сложно выдерживать чей-то напор... а, оказывается, и вот такое отношение я тоже с трудом выдерживаю. Может, моя судьба как раз быть одной.

«Милая». Всегда ведь так называл, а сейчас почему-то бесит до невозможности, и выражение глаз его тоже бесит. А я очень сильно не люблю, когда меня что-то бесит и напрягает. Отношения все же должны приносить удовольствие. Я осторожно высвободилась из объятий Вовы и медленно выдохнула, прежде чем сказать:

– Я очень устала за эти дни, Вов. Отвези меня домой.

– Как домой? Почему? Я этот день ждал. Минуты считал. Ты вчера тоже не смогла. Я соскучился.

Я знала, что означало его «я соскучился». Он хотел секса. За лицо схватил и к себе прижимает, в губы губами тыкается, колет меня розами сзади и к машине подталкивает.

– Давай хотя бы здесь, Оляя. Я так хочу тебя, пожалуйста. Разочек. Я всю командировку терпел. Мужики по блядам, а я о тебе думал.

В шею целует липко как-то, не приятно, и я сама не поняла, как отталкивать его начала. Оттягивать от себя за шиворот.

– Устала я. Завтра поговорим. Вова, ты слышишь меня? Не сегодня. Не сейчас.

Но он не слышал, шарил руками по моей спине и бормотал, как заведенный:

– Соскучился... ужасно соскучился.

– Нет!

Дверцу в машине открыл и пытается впихнуть меня на заднее сиденье. И в этот момент его вдруг кто-то словно отшвырнул от меня. Я только и успела вскрикнуть, когда парень в черной короткой кожанке ударил Вову кулаком в лицо, и того отбросило на спину на асфальт между машинами.

– Тебе сказали «нет», урод?! – голос Вадима звучал иначе, чем обычно, он словно рычал и снова ударил, нависая сверху. Только он не знал, что Вова бывший профессиональный боксер, что он просто не ожидал.

Когда я бросилась их разнимать, мой любовник уже нанес парню несколько ударов в голову и в живот, метко, отточено в одну точку. Вадим давал сдачи и дрался, как дикий зверь, но против профессионала он был слишком неумелым. Вова несколькими ударами уложил парня на асфальт, и когда замахнулся еще раз, я вцепилась в его руку.

– Хватит! Хватиииит! Вы совсем сдурели! Воваааа, это же мальчик совсем. Посмотри. Он же юный, глупый. Ты убьешь его!

Владимир повернул ко мне разбитое в кровь лицо и скривился, глядя в глаза.

– Знаешь его? Знаешь! По глазам вижу! Это из-за него «нет»?

И снова замахнулся, а я на руке у него повисла.

– Это мальчик моей дочери. Вова, оставь его. Отвезти меня домой, слышишь? Не надооо!

Вова оттолкнул меня и встал во весь рост, отряхнул штаны и, не глядя на меня, процедил.

– Сама доедешь. Такси вызови, как утром. Спасибо за радушную встречу, Оля.

Сел в машину и повернул ключи в зажигании. Смотрит на меня через лобовое стекло. Ждет, что с ним поеду, наверное. Что побегу, прощения за что-то попрошу.

К черту. Я не стала удерживать. Ну и пусть уезжает. Вызову такси. Надо было реально ехать домой самой. Господи, что ж за сумасшествие последнее время творится? Притом со всеми!

Вадим застонал и тихо выругался, и я склонилась над парнем, он руками за бок держится, скрючился весь. Внутри все как-то сжалось и засадило. Дурак. За меня заступаться полез. Вот же ж дурак. Отчаянный. Совершенно отбитый на всю голову идиот. Видел же, что тот бьет профессионально, и все равно кидался. И червячок внутри сомнения и какого-то восхищения, что ли. Легко бить, когда сильнее и знаешь как... а когда знаешь, что тебя поломать могут – это уже смелость и сила характера. Отчаянная и не всегда нужная, но вызывающая восхищение.

– Вадим! Ты меня слышишь? Где болит? Может, скорую вызвать?

Стала на колени возле него и лихорадочно достала из сумки бутылку с минеральной водой. Стащила с шеи шарфик, смочила его и хотела кровь со скулы парня вытереть, но он руку мою оттолкнул и со стоном встал с асфальта, все еще придерживая правый бок.

– Да пошли вы, Ольга Михайловна! Я вам не мальчик!

Прихрамывая, направился к выходу с парковки, а я сама себе лицо водой протерла. Выдохнула тяжело, поднялась на ноги, отыскивая сотовый в сумочке.

Как назло, ни по одному номеру на данный момент нет машины. Смешно. Полный город людей и автомобилей, а я не могу в центре такси вызвать. Ладно, поеду на общественном транспорте. Пошла по тротуарной дорожке мимо

фигурных фонарей по направлению к остановкам маршруток. Позади послышался рев мотоцикла, и через секунду Вадим остановился возле меня, притормаживая и цепляя асфальт ногой в тяжелой кроссовке.

- Садитесь. Домой отвезу.

- Да пошел ты.

Иду вперед и на глаза какого-то черта слезы наворачиваются. Сама не знаю отчего. День какой-то отвратительный, или я от всего устала.

- Обиделись? Садитесь. Сейчас час пик, в автобус не втиснуться.

Повернулась и посмотрела на его разбитое в кровь лицо, скрытое под шлемом, на ссадину на щеке. Придурок. А ведь, и правда, домой провожает.

- Ты зачем влез? Кто тебя просил?

- Он вас лапал и лез к вам насильно.

Я обернулась и подошла вплотную к нему.

- Послушай меня, Вадим. Я не знаю, в какие игры ты со мной и с Тасей играешь. Но моя личная жизнь и ее жизнь тебя совершенно не касается, ясно? И не считай себя вправе в нее вмешиваться и лезть, куда тебя не просят.

- У вас каблук сейчас сломается.

Едва он это сказал, я подвернула ногу, шпилька застряла в дырке между плитами тротуарной дорожки. Он расхохотался, трогая разбитые губы. А мне захотелось врезать ему сумочкой по башке, но на нем шлем, и я стиснула в бессильной ярости челюсти, тяжело дыша через нос.

- Садитесь или все еще хотите пешочком и на автобусе?

Я сама себе не поверила, когда сняла туфли и села позади него на мотоцикл.

– Без шлема не поедете.

Снял со своей головы шлем и спрыгнул с мота. Теперь я видела, как сильно ударил его Вовка – на скуле кожа лопнула до мяса и нос разбил. Я руку протянула и тут же одернула.

– Там бы швы наложить.

– До свадьбы заживёт, – усмехнулся белозубым ртом и совсем на подростка стал в этот момент похож.

Надел на меня шлем, а сам взгляд на мои ноги опускает, туда, где длинная свободная юбка задралась, смотрит на колени и ремешок все никак не застегнет, и взгляд... там совсем иной голод. Отчаянный, зверский, обещающий какой-то ад кромешный, от которого мне самой ужасно жарко становится. Вблизи его глаза блестят лихорадочно и алчно, и я вижу, как он к губам моим совсем недавно наклонялся.

Помню... помню, что нельзя смотреть ему в глаза, что это совсем юный мальчик, и что он нравится моей Таське. Я все помню.

И когда он, сев впереди меня, руки мои за запястья взял и на свой торс поверх майки положил, я тоже все это помнила... только глаза вдруг закрылись, когда запах его почувствовала. Кожаной куртки, свежести и безбашенной молодости. Запах страсти... мне вдруг показалось, что она должна пахнуть именно так. Адреналином, запретом, опасностью и им.

Глава 6

Я невероятно старалась держать дистанцию, не прислониться грудью к его спине, не сжать сильнее пальцы на его торсе. И в душе мне уже совсем не тридцать четыре, мне... а черт его знает сколько мне и в каком возрасте еще захватывает дух, дергается, как бешеное, сердце, и хочется раскинуть руки и лететь-лететь-лететь. С ним было все как-то просто. Не так, как в моей большой

и взрослой жизни, когда каждое слово и движение обдумываешь заранее или наперед что-то разрешаешь, или не разрешаешь самой себе, обдумываешь последствия, контролируя эмоции и поступки. Нет, с ним было «здесь и сейчас». Это пугало до дрожи во всем теле и в тот же момент казалось, что нет в этом ничего такого, и что взрослой я буду через десять-двадцать минут, а пока что можно. Я ведь не делаю ничего такого... я просто живу?

Ладони ощущали его гулкой и быстрый стук сердца, ощущали худощавое тело и в то же время жесткие мышцы живота. Рельефно напрягающиеся, когда мотоцикл накренился, и мы под каким-то невыносимым углом обгоняли машины, неслись по обочине. В такие секунды я все же прижималась к нему инстинктивно и впивалась в его футболку дрожащими пальцами, и мне казалось, что сердце под моими ладонями начинало биться намного быстрее. И ни одной мысли в голове, кроме свиста ветра и ощущения свободы. Запретной, неправильной, отвратительной свободы, за которой непременно последует расплата. И плевать.

Ногами касаться его ног, ощущая трение шва джинсов о внутреннюю поверхность бедер, и внизу живота начинает потягивать еще незнакомой тяжестью, томлением и желанием чего-то большего. И, нет, я не наивная дуручка, чтоб не понимать, чего именно. Просто раньше никогда не ощущала вот так ни с чего, просто с присутствия, с запаха, с прикосновения к мужскому телу. Безумие какое-то. И нет, мозг не отключался, он совершенно участвовал в процессе и понимал, что именно я чувствую, отрицал, вопил, бился в истерике, но это не отменяло участвующего дыхания и влаги между ног, напряжения груди, прижимающейся к его спине, и покалывания в сосках, трущихся о кожаную материю. И перед глазами губы-губы-губы. Его порочные и наглые на мне. О господи....

А потом начался дождь, неожиданный, поздневесенний, с тяжелыми учащающимися с каждой секундой каплями и взметнувшимся вверх в воздух запахом мокрого асфальта, цветущих деревьев и молодой листвы. Вадим свернул куда-то к скверу, к одинокой остановке, и затормозил.

– Надо переждать. Стеной сейчас польет.

А сам сидит и не слезит с мота, и я сижу, руки так и не опустила, сжимаю его грудную клетку, боюсь пошевелить пальцами. Дождь усиливается, барабанит по моему шлему, и я вдруг понимаю, что мы сейчас насквозь промокнем. Парень

слез с мотоцикла и подал руку мне, а потом подхватил за талию и, прежде чем я успела воспротивиться, поднял и перенес на скамейку. Осторожно поставил.

– Вы босая, – объяснил свои действия, глядя на меня каким-то совершенно ошалелым взглядом, пока я снимала шлем и отдавала ему. Забрал, положил рядом с моими ногами, продолжая смотреть, и я вижу, как дергается его кадык и сжимаются челюсти, и уже понимаю почему – мокрое платье облепило мое тело и грудь с торчащими от прохлады и возбуждения сосками, и он смотрит, нагло смотрит именно туда застывшим взглядом, от чего они сжимаются еще сильнее, вытягиваются под наглыми бесстыжими глазами мальчишки. Вскинула руки, прикрываясь, и он тут же отвернулся, нервно поправил мокрые волосы рукой и прислонился к стене, доставая сигарету из пачки. Козырек остановки обломан и внутри почти нет места. Я вижу, как дождь продолжает заливать спину Вадима, а он затягивается сигаретой и молча смотрит в одну точку. Длинные мокрые пальцы, блеск какого-то кольца-железяки с черепом и эти рисунки, которые то ли отталкивают, то ли притягивают. Их хочется рассмотреть и потрогать.

– Иди сюда, ты весь промокнешь.

Ухмыльнулся так по-ребячески безбашенно, что у меня от его улыбки дух захватило.

– Уже.

– Промокнешь еще больше и заболеешь.

– Куртка теплая и не промокает.

А мне самой прохладно, и мокрое платье холодит тело, стараюсь не прижиматься к стене, чтоб не было еще холоднее, опустилась на корточки и села на скамейку, обхватывая себя руками. Все под его взглядом, который жжет все сильнее, настойчивей. В нем столько голода и срасти... на меня никогда так не смотрели.

– Замерзли?

Щурясь от дыма и выпуская густым облаком в сторону.

- Есть немно...

Не успела договорить, он щелчком выкинул окурок в лужу и подошел ко мне, снимая куртку и набрасывая мне на плечи. И снова слишком близко. Слишком. Присел на корточки и в глаза мне смотрит своими горящими серо-синими с мокрыми ресницами, вода с его челки капает на лицо и катится по щекам к губам. Его губы... блестящие, чуть приоткрытые. Сама не поняла, как провела ладонью по мокрой гладкой щеке, а он сидит все так же прищурившись, и я слышу, как он дышит. Глубоко и часто, очень шумно. Тело греет его куртка, но я не перестаю дрожать и теперь дышу целиком и полностью его запахом и близостью.

Уже двумя руками обхватываю его лицо, рассматривая ссадины, проводя кончиками холодных пальцев по бровям, щекам, зарываясь в волосы. А он стал на колени и уперся руками в лавку по обе стороны от меня, и дышит через нос так сильно, что раздуваются ноздри.

Я губ его коснулась, и мы оба вздрогнули. Вадим вдруг схватил меня за бедра и рывком дернул к себе, заставляя раздвинуть ноги и, рвано всхлипнув, впиться в его мокрый затылок, сжимая коленями горячий мужской торс под влажной белой футболкой. Наглые ладони силой сжали мою поясницу, и теперь глаза эти цвета ночного хаоса смотрят в мои, и я вижу, как подрагивает его лицо, словно там внутри него какая-то неведомая мне война идет. Ладонь скользнула по талии к ягодицам, сминая, сжимая, притягивая к себе. Так что теперь ремень его штанов упирается мне между ног, и мне кажется, едва я дернусь, меня сорвет в какую-то черную пропасть. Наклонил меня вперед и лбом к моему лбу прижался. Выдыхает так громко, что я покрываюсь мурашками от каждого его вдоха и выдоха. Мне кажется, что воздух в кипятке превратился, потому что я дышу точно так же.

И я до адской боли хочу почувствовать вкус его мокрых губ, так хочу, что меня всю лихорадит, подалась чуть вперед, но ладонь Вадима резко легла мне на горло, удерживая дистанцию. Еще несколько самых диких секунд предвкушения в моей жизни, и он вдруг поднялся на ноги, нервно доставая пачку из кармана джинсов, закуривая и отворачиваясь ко мне спиной.

Он курил, а я молча смотрела ему в спину, успокаиваясь и ощущая какое-то едкое разочарование, сильное, как осадок после невыносимой горечи, он отдает терпкостью неиспробованных поцелуев и каким-то ощущением собственного ничтожества. Еще не могу анализировать, думать, меня продолжает потряхивать, а сердце колотится прямо в горле, все тело ноет так, что, кажется, я сейчас взвою. Со мной никогда не происходило ничего подобного. Ни с кем. Ни разу за всю мою жизнь. Это был какой-то апокалипсис всего, что я чувствовала и знала ранее, и в то же время мерзкое ощущение неправильности, на которую указал мне именно он, остановившись. Женское разочарование пускает яд по венам. Неприятно колет иголками. Непониманием – какого черта здесь произошло и какого черта ему от меня надо? Что за игра, в которой я пока ни черта не поняла?

– Дождь почти кончился, – выкинул сигарету и повернулся ко мне, – поехали.

Хотел снять со скамейки, но я спрыгнула сама и прошлась по луже к мотоциклу, залезла на сиденье, надевая шлем на голову и застегивая ремешок. Его выражение лица не изменилось, оно было совершенно непроницаемым. Как будто передо мной вдруг появился совершенно другой человек, и этот человек прекрасно мог себя контролировать. Сел передо мной, завел мот, чуть приподнял руки, давая себя обхватить. Обхватила и, чтоб не касаться ладонями, сцепила их замком.

Дух больше не захватывало, сердце неприятно дергалось внутри, там, где от чего-то саднило, словно я свалилась, споткнувшись обо что-то, и прямо грудью проехала по асфальту. Мы доехали очень быстро, и едва показался мой дом, я громко крикнула.

– Тормози здесь. Не надо до дома.

Не дай бог нас Таська из окна увидит. Сняла шлем, протянула ему. Затем куртку.

– Испугались, что дочь узнает?

Голос хриловатый, злой. Я сумку к себе прижимаю, и мне вообще нечего ему сказать. Да и какая ему разница, о чем я переживаю.

– Не узнает, Ольга Михайловна, не узнает. Ушла она от вас. Утром еще вещи собрала и ко мне переехала. Со мной теперь будет. Ясно? И плевать мы хотели на ваши запреты.

Я глазами расширенными на него смотрела, тяжело дыша, не веря ни единому слову, а у него взгляд снова горит, но уже иначе – триумфом сверкает, полыхает победой. Бросилась что есть мочи к дому, спотыкаясь, поскользываясь в лужах, к подъезду, нажимая кнопки кода домофона, дергая дверь. Мокрыми пальцами тыкаю в кнопку лифта и чувствую, как все внутри похолодело. Ну давай же, давай! Набираю ее номер, а там автоответчик. О, господи! Нееет! Это бред. Сукин сын солгал. Просто так сказал. Он ведь лжет. Не могла так Таська со мной! Не моглааа.

В кабинке, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, продолжаю ее набирать упрямо и до бесконечности. Ответь, давай же. Ну моя хорошая. Включи телефон. Умоляюуюю.

Выскочила из лифта, еле дверь открыла, оцарапала пальцы о замочную скважину. Плеваать. Заскочила в квартиру:

– Тасяая! Тасенька!

Уже в панике по комнатам, по каждой из них, понимая, что нет ее, сердцем чувствую. На столе записка. Нет. Нет-нет-нет!

«Мама, я уйду к Вадиму. С ним жить буду. Не ищи меня. Сама позвоню, как захочу. Прости, но я люблю его, и ты не сможешь нам помешать. Не лезь, не то я не знаю, что сделаю».

Внизу взревел мотоцикл. Просто ревет, но не уезжает.

Я снова к лифту босая, задыхаясь, пока вниз спустилась, на улицу выбежала. А он мимо меня пронесся и водой из лужи с ног до головы окатил.

– Стооой! Стооой, подонок!

На колени упала и лицо руками закрыла. Твааарь. Ненавижу! Тасяяяя, какая же ты дураааа! Дурочка моя! И я дура! Идиоткааа!

Я звонила по ее подругам, а Ленка записывала новые номера телефонов. Двое суток, без сна, на одном кофе и крепком чае.

«Не знаю, Ольга Михайловна, она с ним где-то познакомилась без нас... Мы его не видели раньше... он старше – моя дочь с такими не общается, смотрели б за своей лучше... Правда, тетя Оля, я его только несколько раз встречала, и то с вашей Тасей я его и не видела ни разу. Они с нами особо не ходили, тИпы эти».

И я снова продолжала звонить. Разговор с бывшим мужем вылился в скандал, где меня обвинили в том, что я из дочери чуть ли не шлюху вырастила, и если б я за ней лучше смотрела, а не шлялась сама где попало, то никуда б Тася не ушла. А у него сейчас рабочая командировка, и он в Болгарии. Приедет только через неделю. Я отключила звонок и мысленно послала его к дьяволу и к его всезнающей мамаше. Что почти одно и то же.

Вначале я хотела звонить в полицию, но Ленка (о, как же я ее ненавидела в этот момент) сказала, что мне нечего предъявить подонку. Дочь ушла добровольно, оставила записку, ей больше шестнадцати, и речи о неосознанном согласии быть уже не может. Но как не может, она ведь совсем маленькая. Ей всего семнадцать... совершенно забывая, что сама родила ее в шестнадцать, но мне казалось, что я была старше морально, умнее. А моя девочка еще совершенно ребенок. И он... он опытный, он может с ней творить что угодно. О господи... как я могла допустить мысль, чтоб этот урод прикасался ко мне?!

– Ну да, ты, конечно, была очень умная, залетела и родила, едва школу окончив. – Ленка закурила и уставилась на улицу, – ты обожествляешь свою Тасю. Не такой уж она ангелочек, как тебе кажется, и покуривала, и врала тебе насчет клубов, якобы у подружки осталась, а на самом деле... с такими, как этот Вадим, таскалась.

– Но не так! Он ее заставил, он взрослее, умнее. Скотина! Ему ведь..., – я лихорадочно вспоминала сколько ему лет, кажется, дочь говорила, что двадцать три, – а если они ее там... ты ж помнишь, я тебе рассказывала, как он с дружками, – я заходила от слез, а подруга подсовывала мне то чай, то коньяк, но я все двигала в сторону. Я ничего не хотела... я хотела только узнать, где моя

дочь. Хотела забрать ее из лап сукиного сына. У меня в голове не укладывалось, что моя маленькая мамина девочка могла это сделать сама, как вдруг за какие-то недели в нашей с ней жизни все изменилось, и начался вот этот апокалипсис, в котором никто из нас уже не уцелеет и не станет прежним. У меня никак не получалось понять, что она могла вот так ходить по квартире, собирать свои вещи и спокойно уйти, зная, что я с ума сойду. Что ей было плевать на мою боль. Но она это сделала, и я пока что считала, что ее подговорили, заставили. Ровно до того момента пока мне, спустя два дня сумасшествия, не прислали с неизвестного номера адрес. Без подписи, без ничего. Просто название улицы и номер дома. Вытирая слезы тыльной стороной ладони, я бросилась вон из квартиры, Ленка за мной.

- Тася где-то нашла телефон и написала мне.

- Оль, я с тобой. Куда ты одна в таком состоянии?

- Я сама, - голос сел, я с трудом его узнавала, - мне надо самой.

- Может, Вовку взять с собой? Мужик все же. А если это опять те отморозки, Оль? Мне страшно!

- Не бойся. Ничего со мной не случится.

И правда, что могло случиться хуже этого? Я получила удар под дых такой силы от самого родного человека. Что, мне казалось, больнее она мне уже сделать не сможет. Больнее только, если ее не станет. Я еще где-то там кусочком материнской души продолжала верить - моя девочка ушла по глупости, и она сейчас со мной вместе вернется домой. Взяла такси, и когда назвала адрес, мне тут же сказали, что район препаршивый и что до конца улицы он не поедет, там и стекла побить могут. Из-за плохой дороги ехать медленно надо, могут и на машину напасть. Лысоватый таксист с лоснящимися красными щеками бросал на меня удивленные взгляды. Ему было непонятно, что там могла делать такая, как я. Он бесцеремонно говорил об этом всю дорогу и не хотел заезжать в неблагополучный район.

- Какая разница? Мне надо. Я заплачу. Хорошо заплачу, если подождете меня.

- Ну не знаю. Я попробую, но, если че не понравится - уезжаю.

Частный сектор, облезлые дома, чумазые цыганята выкатились чуть ли не под колеса, какие-то подростки пыхнули дымом прямо в лобовое стекло, пока водитель пытался объехать глубокую яму в асфальте. Какой-то мужик махнул сеткой, и с нее посыпались пустые бутылки, на одну из них мы наехали, и таксист громко выматерился, а у меня от его мата уши вспыхнули. Таксист остановился на обочине между деревьями.

– Тут ждать буду. А вам туда куда-то навигатор показывает. И деньги сейчас давайте, не то ждать не буду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/soboleva_ul-yana/bumazhnye-kryl-ya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)